

Н.М. Плискевич

старший научный сотрудник, Институт экономики РАН (Москва)

ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО В ГОДЫ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ (о книге «Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя»)¹

Аннотация. В статье анализируется содержание коллективной монографии международной Экспертной группы «Европейский диалог», в которой представлены итоги реализации проекта «Тридцать лет постсоветской Европы». Акцентируется внимание на трех главных темах этого проекта: этапы постсоциалистической трансформации и её осмысления; эволюция трактовок постсоциалистического транзита и его новые версии; человек в эпоху постсоциалистической трансформации. Показано, что постсоциалистический транзит не закончен, и всем странам предстоит ещё долгий путь. Но траектория этого пути у всех различна.

Ключевые слова: *постсоциалистическая трансформация, этапы постсоциалистической трансформации, тоталитаризм, авторитаризм, либерализм, эволюция исследовательских подходов, человеческий потенциал, человеческий капитал, советский человек, постсоветский человек, эволюция ценностных предпочтений.*

JEL: A10, A12, A13, B15.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_2_155_171.

Три десятилетия прошли со времен серии постсоциалистических революций, охвативших сначала страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), а затем и республики Советского Союза, в результате ставших самостоятельными государствами. История этих десятилетий продемонстрировала и глобальную значимость тех событий, и разнообразие путей трансформации, выбранных каждым из государств, и различие в их результатах. Всё это дает учёным огромный материал для исследования, сопоставимый разве что с данными о трансформационных процессах времен крушения колониальных империй. Поэтому не удивительно обилие публикаций, в которых современная реальность разных постсоциалистических стран рассматривается как естественный результат пройденного ими пути, тех достижений и ошибок, совершенных на разных этапах преобразований и обусловивших особенности той точки развития, в которой они оказались сегодня. В то же время это позволяет выявить и общие закономерности демонтажа коммунистической системы, и сделать некоторые прогнозы дальнейшего развития постсоциалистических государств.

В этом обилии литературы выделяется работа коллектива Экспертной группы «Европейский диалог» над проектом «Тридцать лет постсоветской Европы». Результаты исследований были представлены в 2019 г. на двух международных конференциях в Юрмале

¹ Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя. (2021) / Под ред. К. Рогова. — М.: Новое литературное обозрение.

(Латвия) и Москве. Материалы ряда сделанных на них докладов легли в основу глав коллективной монографии «Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя» [Демонтаж..., 2021]². Представленный в книге текст интересен не только как концептуальное представление позиций авторов (причем позиций разных), но и как качественный обзор разных точек зрения, накопленных в мировых исследованиях постсоциалистической трансформации. Благодаря такому подходу читатель получает структурированную картину трансформационного процесса в разных странах с её периодизацией, а также выделением этапов его теоретического осмысления. Такой объёмный подход даёт возможность показать, что сложности этого процесса не позволяют даже тем странам, которые достигли успеха на первом этапе преобразований, в дальнейшем избежать тех проблем, которые сначала казались легко разрешимыми.

Такой подход к анализу прошедшего тридцатилетия диктует важность для всех исследователей, равно как и для авторов данной книги, осмысления имеющегося опыта, особенно его негативных черт. В частности, это чётко выразил Г. Сатаров (Фонд ИНДЭМ, Москва): «...негативный опыт традиционно влечёт отрицание и замену. Последняя стандартно не более обоснована, чем то, что было до неё и привело к отрицательному результату... богатый отрицательный опыт требует вдумчивого анализа и не менее вдумчивых выводов. Выводов не о замене, а о следствиях» (Сатаров. С. 114). Исследователю не стоит ограничиваться линейной динамикой хода событий, а помещать их в нелинейности, в тот хаос, который в той или иной степени присущ социальным порядкам. А потому «надо уметь задавать социальной природе нестандартные вопросы и не искать единственно правильного ответа» (Сатаров. С. 114–115).

На такую ущербность и в реформаторской практике, и в теоретических построениях, особенно характерную для периода начала реформ, указывает и А. Мельвиль (НИУ ВШЭ, Москва), отмечающий веру в то, что выбор правильного «институционального дизайна» — важнейший фактор успеха реформ. В целом тогда логику глобального развития реформаторы воспринимали «в своего рода “линейной перспективе” — как однозначно ведущую от авторитаризма к всеобщей демократии» (Мельвиль. С. 67). Для современных исследователей, отмечает К. Рогов (Фонд «Либеральная миссия», Москва), важно при анализе всего хода постсоциалистических трансформаций «увидеть те блокирующие механизмы, которые срабатывают в различных сценариях транзита, и те напряжения и дисбалансы, которые, по всей видимости, будут определять политическую динамику постсоциалистических стран в следующем десятилетии» (Рогов. С. 43).

Этапы трансформации и её осмысления

Опыт прошедших трёх десятков лет позволил переосмыслить причины и успехов, и неудач пройденного пути, равно как и недостатки работ транзитологов конца XX — начала XXI вв. Этот опыт обобщён и авторами монографии. Выработанный ими принцип анализа постсоциалистических трансформационных процессов предполагает многообразие вариантов преобразований, обусловленных самыми разными факторами, — от географических, природных, исторических до непосредственного наследия времен «социалистического строительства» (и длительности этого процесса, и оставленного им институционального, структурного, социокультурного и иного наследия). Это многообразие требует поиска разных вариантов путей развития. Причём не надо бояться естественного многообразия вариантов социальных связей, возникающих в ходе этого

² Далее цитаты из этой книги даются в круглых скобках с указанием страниц и авторов цитируемого текста.

поиска, пусть и создающих некоторые элементы хаоса, в преодолении которого и создаются новые инструменты развития³.

Однако на первых этапах, ещё предшествующих процессам трансформации, сама жёсткость структуры социалистической системы безальтернативно толкала к противоположному полюсу социального развития, пример которого предлагал успешный либерально-демократический Запад. При этом игнорировалось, что к тому состоянию, которого он достиг к концу XX в., Запад шёл не одно десятилетие и даже столетие. Казалось, что выгоды «догоняющего развития» помогут в короткий срок решить все проблемы. Не случайно И. Крастев (Центр либеральных исследований, София) вспоминает вышедший в 1988 г. в СССР сборник «Иного не дано» как «своего рода библию перестроечного реформизма, утверждавшую... идею об отсутствии жизнеспособных альтернатив западной рыночной демократии» (Крастев. С. 48). Но сама мысль о том, что «иного не дано», считает Крастев, породила волны популизма, которые, зародившись в постсоциалистических странах, ныне покрывают большую часть мира⁴. Несмотря на это, не надо бояться естественного многообразия социальных связей, возникающих в ходе такого поиска. Пусть они и создают некоторые элементы хаоса, в преодолении которого и рождаются новые инструменты развития. По мнению Крастева, именно «отсутствие альтернатив, а не гравитационное приближение авторитарного прошлого или исторически укоренившаяся враждебность к либерализму лучше всего объясняет антизападные настроения, преимущественно доминирующие сегодня в посткоммунистических обществах» (Крастев. С. 48).

Но такой объективно обусловленный предреформенной ситуацией настрой обусловил основные черты *первого этапа* постсоциалистической трансформации с его оптимизмом и верой в демократические и рыночные реформы как действенный инструмент социальной реконструкции. Следствием упрощённой веры линейного мышления в безальтернативность избранного в начале 1990-х гг. пути стало разочарование в достигнутых результатах и большинства населения, и политиков, и исследователей идущих процессов. Несмотря на то, что последствия трансформационного спада остались позади, начался экономический рост и улучшение связанного с ним социально-экономического положения населения, выяснилось, что значительная часть выстроенных экономических и политических институтов не соответствует тем требованиям, которые предполагались при их создании. Уже на данном *втором этапе* произошло видимое разделение на те страны ЦВЕ, где были достигнуты наибольшие успехи в продвижении к западным моделям, и те, где незначительность успехов всё более стала «компенсироваться» ростом ограничений в политической и экономической жизни и стремлением к «стабилизации» ситуации. Причём в пользу

³ Нельзя не обратить внимание на то, что такое восприятие хаоса, как естественно присущей сложной системе черты, ведет к выводу не о необходимости избавления от него с помощью жёстких вертикально ориентированных регуляторов, не способных учесть всего многообразия социальных процессов, а об анализе этого многообразия как фактора дальнейшего развития системы. Об этом, в частности, писали Л.П. и Р.Н. Евстигнеевы, видящие закономерность присутствия элементов хаоса в ходе эндогенной эволюции на принципах рыночной самоорганизации. Учитывая достижения физики, они видели в хаосе стимулы экономического роста: «...физика даёт нам, во-первых, подсказку, как справиться с нормативным включением хаоса в режим экономического роста. И, во-вторых, экономисты получают теоретическую базу для перехода от исследования одномерных фигур... к анализу сложных многоуровневых рыночных отношений и структур» [Евстигнеева, Евстигнеев, 2016. С. 195]. Такой подход к анализу социальной реальности актуален для представителей всех общественных наук, особенно при изучении трансформационных процессов, которым, по определению, присущи подвижность, многообразие действий не только макро-, но и микросубъектов изменчивых процессов. Все они находятся в постоянном поиске места в них для себя. Самоорганизующиеся горизонтальные связи, по сути, и являются инструментом такого поиска.

⁴ Крастев полагает, что рост влияния в современном западном мире авторитарного антилиберализма обусловил именно ресентимент по поводу капиталистического статуса либеральной демократии и политики имитации. Это проявляется не только в постсоциалистических странах, но и в США. Тут следует изучать и историю либерализма, который отказался «от плюрализма во имя человечности» (Крастев. С. 50).

тех, кто как раз из данного, промежуточного, этапа реформ мог извлечь наибольшую выгоду (см., например, [Hellman, 1998]).

Этот этап К. Рогов предложил называть «нормативистским» (Рогов. С. 11). Акцент в исследованиях он делает на проблемах осмысления того, почему одни страны достигли успеха, а другие — нет, где были совершены ошибки, и что отставшие общества не смогли преодолеть. В то же время население даже достигших наибольших успехов стран было разочаровано. Об этом разочаровании пишут многие авторы книги, связывая его не только со сложностями этапа перехода, но и с упрощённым представлением как о трудностях переходного периода, так и о западном обществе как «идеале». Для широких масс это было прежде всего общество потребления в противовес социалистическому обществу дефицита. Так как авторы монографии опираются прежде всего на англоязычную литературу и ее данные (включая сюда и работы отечественных авторов, входящие в нее), добавлю, что такая точка зрения давно присутствует и в русскоязычных работах. Так, В. Ильин, анализируя данные процессы, отмечал: «Мотором антикоммунистических революций явилось массовое стремление к модернизации, формулируемое различными слоями населения как желание жить... как на Западе». Причём для одних это «были стандарты жизни правящей западноевропейской элиты, для других — уровень пособий по бедности, старости, безработице и т.д.» [Шкаратан, Ильин, 2006. С. 263].

Третий этап постсоциалистического развития и его осмысления авторы монографии связывают с 2010-ми гг. Общую картину обуславливало исчерпание возможностей восстановительного роста и связанного с ним роста уровня жизни, кризисными явлениями, вытекающими из проблем с мировой экономической конъюнктурой, процессами глобализации. В результате средние темпы роста в ЦВЕ и постсоветских странах упали с 5,7 до 2,6% (Рогов. С. 11). В новых условиях даже в тех странах, которым удалось в наибольшей степени осуществить институциональную интеграцию с западноевропейским миром, население всё более стало ощущать себя периферией Европы. Просматриваются тренды пусть и частичного отказа от либеральной демократии (Венгрия, Польша) и даже глубокой фрустрации и ресентимента (Болгария, страны Балтии, Восточная Германия), так как уровень жизни здесь остаётся существенно ниже, чем в Западной Европе. Одновременно страны, которые на предыдущих этапах представляли в качестве отстающих, критиковались за «ошибки» в ходе реформ, стали позиционировать себя как осуществляющих вполне состоятельную «альтернативную модель», противостоящую «неолиберальным рецептам» Запада. Это может быть трактовано как возрождение через 30 лет конкуренции моделей социально-политического развития. Хотя «на повестке дня теперь это “соревнование” не между социализмом и капитализмом, а между либеральным капитализмом и капитализмом не- и даже антилиберальным» (Рогов. С. 12). При этом приводятся также цитаты из работ американских авторов, посещавших страны ЦВЕ и перед началом реформ, и в 2010-х гг., таких как Д. Феффер. Он, например, утверждает, что для нынешнего поколения восточноевропейцев «либерализм — это поверженный Бог». Причём вина за это возлагается прежде всего на Запад, история развития которого, в частности, — «это история про либерализм, отказавшийся от плюрализма во имя гегемонии» (Крастев. С. 50).

Выделенные три этапа проведения реформ, отношение к ним населения и анализ идущих процессов учёными четко очерчены в предисловии к книге К.Роговым (Рогов. С. 9–12). Подробный анализ эволюции хода реформ в разных странах особо ярко дан в первой части монографии, названной «Драма ожиданий: деконструкция пессимизма». Причём, если одни авторы акцентировали внимание на процессах реформ и изменениях отношения к ним населения, то другие — на эволюции исследовательских предпочтений, типологии анализа их траекторий. К первым можно отнести работу И. Крастева, особо выделяющего такой индикатор массовости разочарования в изменившихся социально-экономических порядках, как отток населения из восточноевропейских стран в страны Запада, в частности

то, что в 1989–2017 гг. Латвия потеряла 27% населения, Литва — 22,5, Болгария — почти 22,5, а 14% населения бывшей ГДР отправились в западногерманские земли в поисках работы. В период же кризиса 2008–2009 гг. мигрантов из восточно- в западноевропейские страны было больше, чем беженцев из Сирии (Крастев. С. 55). Роль депопуляции можно отнести к наименее изученным эффектам поворота в сторону от либерализма тех стран ЦВЕ, населению которых посткоммунистические изменения принесли весьма ощутимые выгоды.

Размышляя о причинах этого, Крастев особо отмечает роль «утопии нормальности», т.е. того линейного, одномерного представления о многообразных связях, на которых десятилетиями строились формальные западные институты. Поэтому даже удачная трансплантация последних во многих странах оборачивалась имитацией процесса, ибо игнорировала его целостность во всей сложности. Поэтому сама промежуточность в становлении института как неизбежное следствие длительности процесса оборачивается восприятием этой промежуточной фазы как имитационной. При этом дополнительные основания такому толкованию дают действия проводящих реформы либо тормозящих их. К тому же нельзя не добавить, что потеря институтов социальной защиты, действовавших в условиях социализма, особо чувствительная в первые годы трансформации, не была замещена адекватной системой институтов западного образца (и при том уровне развития не могла быть замещена). Не говоря и о развивающихся параллельно процессах передела собственности, роста неравенства и т.п. Отсюда — естественное отторжение имитации во имя нормальности, усугубляемое усилением на Западе процессов антилиберальной направленности. Но если под «нормальностью» понимается тот идеал, который виделся в начале реформ, то не удивительно, что бывшие диссиденты типа В. Орбана или братьев Качиньских становятся на контрреформаторский путь. Причём Крастев идет дальше и подчеркивает: «... именно таким образом вестернизаторская революция способна спровоцировать антизападную контрреволюцию, вызывающую ошеломление и замешательство на самом Западе» (Крастев. С. 64).

Г. Сатаров особо подчеркивает важность в процессе реформирования не конструирования, а *выращивания* институтов. Последнее предполагает вовлечение в этот процесс широких слоев общества с его горизонтальными связями, особо необходимых в ситуации развития рыночных и демократических институтов. Однако чем дальше, тем больше трудности формирования горизонтальных связей провоцировали переключение на привычные вертикальные связи. Символом этого процесса в России стала пресловутая «вертикаль власти», разрастание монопольных тенденций как в политике, так и в экономике, дополненная усилением централизации. Данные тенденции вели к упрощению той сложности, каковой является сама социальность. И следствием такой политики вместо медленного налаживания множества необходимых горизонтальных связей, пересекающихся в разных конфигурациях, приоритет отдаётся простым решениям. В результате стали полагать, что «для достижения цели часто важнее понимать КАК делать, а не ЧТО делать». Сегодня, считает Сатаров, у нас есть «один ресурс, который столь же важен, сколь и пренебрегаем. Это наш социальный опыт, политический опыт, особенно когда речь идёт о негативном опыте» (Сатаров. С. 114). Он требует вдумчивого анализа и продуманных выводов.

Важный материал для такого анализа дает опыт реформирования советского пространства. Здесь, с одной стороны, эти процессы объективно были наиболее сложными вследствие особой длительности существования социалистического режима, а потому и с наиболее тяжелыми проблемами и в социокультурной, и в социально-экономической сферах, а также в сфере собственно экономической, обусловленной структурными деформациями, вытекающими из перегрузки экономики задачами обеспечения оборонного потенциала для всего «социалистического лагеря». С другой стороны, если во многих странах ЦВЕ к середине 1980-х гг. уже созрело убеждение, что реформы по рецептам, предложенным в 1960-х гг., не дадут результатов, то новые руководители СССР, пришедшие

к власти в середине 1980-х гг., ещё жили этими иллюзиями. Это демонстрирует в своей главе Д. Травин (Центр исследований модернизации. Европейский университет. Санкт-Петербург). Он начинает, по сути, с интеллектуальной неподготовленности М.С. Горбачева и «прорабов перестройки» к тем преобразованиям, которые были начаты. Во-первых, все они, будучи «шестидесятниками», начинали с выношенных ещё в годы молодости идей и руководствовались не знанием фактов, а лишь добрыми пожеланиями. И только с нарастанием кризиса они «вынуждены были экстренно трансформировать свои взгляды, причём каждый исходил из личного опыта и набора случайно полученных по ходу трансформации слухов, страхов, эмоций» (Травин. С. 369). Во-вторых, среди представителей партийной верхушки не было профессиональных экономистов, способных представить себе всю сложность преобразований. Практически не было их и собственно в среде экономистов. Даже наиболее продвинутые из них думали тогда лишь над возможностями «улучшения социализма». Не удивительно, что к условиям перемен не были готовы ни «красные директора», ни «красные профессора» (Травин. С. 370).

В-третьих, руководители страны были, «по всей вероятности, психологически не готовы к тем масштабам перемен, которые реально требовались Советскому Союзу» (Травин. С. 370). С их точки зрения, была необходима лишь корректировка имеющихся порядков, без коренной трансформации. Однако, запустив процесс действительно необходимых преобразований, они очень скоро оказались в ситуации, когда каждый небольшой «корректирующий» шаг ведет к лавинно нарастающим последствиям, с которыми невозможно справиться привычными средствами.

Травин показывает этот путь и последовательное разрушение встроенных в советскую модель ограничителей, крушение идеологических конструкций и «реального социализма», и «социализма с человеческим лицом», и «рыночного социализма», и попыток поправить положение с помощью методов авторитарной модернизации. В результате перестройка «вывела Советский Союз из того равновесия, которое было всё же довольно устойчиво», высвободила те политические силы, которые захотели осуществить реальные перемены. «Она создала такое неравновесное состояние экономики, из которого очень сложно оказалось вернуться в зарегулированное административное прошлое и легче стало переходить к настоящей рыночной экономике» (Травин. С. 388).

Если темой анализа Д. Травина являются действия по реформированию «сверху», то К. Рогов сделал предметом своего исследования действия массовых слоев населения, воспользовавшихся возможностями, открывшимися в политической сфере. Для этого он обращается к проводимым в 1980–1990-х гг. зарубежным исследованиям типологии обществ разных союзных республик по принципу степени сформированности в них слабых и сильных коалиций, ориентированных в сторону либо демократизации режима, либо укрепления в нем авторитарных тенденций. Это проявлялось уже в ходе республиканских выборов 1990 г.

Такая типизация и анализ последующих событий вплоть до 2010-х гг. позволяет сделать вывод, что «базовое распределение сил, проявившее себя в исходе выборов 1990 года, достаточно надёжно предсказывает тип политического режима в той или иной республике вплоть до сегодняшнего дня» (Рогов. С. 193–194). То есть «фундаментальные характеристики соответствующих политий формировались не *после*, а *до* этого события и гораздо раньше, чем эти республики превратились в независимые государства» (Рогов. С. 197–198).

В частности, Рогов отмечает различие социальных укладов в разных республиках и полагает, что «по мере снижения уровня насилия в советской системе постсталинского периода роль унифицирующих советских институтов ослабевала, а фактическое различие социальных укладов соответственно возрастало» (Рогов. С. 199). Поэтому «за общим “советским фасадом” формировались достаточно различные типы региональной политической власти, и состав элит, сетей доверия, социальных иерархий и социальных лифтов,

норм взаимодействия, бытовых стандартов» (Рогов. С. 201). Отсюда и разные типы массовой мобилизации в разных республиках, и силы элитной сецессии, при которой республиканские элиты перехватывали у центральной власти контроль над местными ресурсами в сочетании с блокированием возможностей местной оппозиции. Причём внутри массовой мобилизации сил, противостоящих уходящему «коммунизму», в разных республиках складывались разные по силе оппозиционные слои либерально-демократического и вестернизационного, с одной стороны, и националистического типа — с другой. Сочетание и относительная сила этих компонентов и предопределила дальнейшие пути бывших советских республик.

Естественно, Рогов уделяет внимание особенностям эволюции разных типов мобилизации в истории России. Тем более, что наличие в ней уже в самом начале перестроечных процессов слабых коалиций и незавершенности распределения сил обусловило дальнейшую их эволюцию от типа режима, характеризующегося как конкурентная олигархия, к консолидированию режима персоналистского авторитаризма. Рогов выделяет уже в начале 1990-х гг. расслоение России на Россию крупных городов и периферии, что и сегодня отражается в электоральном профиле страны⁵. По его мнению, первоначально массовая мобилизация в России состоялась именно тогда. «Более того, она носила преимущественно гражданско-демократический характер, отчасти близкий к прибалтийскому» (Рогов. С. 217). Но затем отмеченная выше слабость коалиций в сочетании с глубоким переходным экономическим кризисом сыграли свою роль. При этом Рогов в отличие от многих исследователей, трактуя события осени 1993 г. как кризис демократии в России, полагает, что эти и последующие события укладываются в общие сценарии «кризиса перехода», возникающие «в результате распада слабой “учредительной” коалиции, сформировавшейся в периоде становления республиканской политики в рамках СССР» (Рогов. С. 224). Развитие этих процессов вело к тому, что повестка «порядка» всё более актуализировалась, замещая повестку «реформ».

В целом анализ прошедшего тридцатилетия, исходящий из того, что устремления и активных, и массовых акторов политической борьбы в разных республиках к ее началу были сформированы в предшествующие годы, подводит Рогова к следующему выводу. Последующие циклы борьбы вокруг электоральных манипуляций и их исход «с высокой степенью вероятности будут формировать новые долгосрочные ожидания населения и элит относительно электоральных процедур и понимание их места в жизни данной политики, как это произошло с выборами 1990 года» (Рогов. С. 231).

Д. Трейсман (Университет Калифорнии, Лос-Анджелес) сконцентрировал внимание на трансформационных процессах в странах ЦВЕ. С его точки зрения, «драма ожиданий» населения этих стран, где среднедушевой ВВП в предреформенные годы колебался в пределах 0,4–0,5 уровня ВВП западноевропейских стран, была связана отнюдь не с провалом реформ (по многим важным макроэкономическим показателям к началу 2000-х гг. они приблизились к общемировым). Но для того, чтобы достичь уровня жизни Западной Европы, им «потребовался бы не просто рост, а беспрецедентный в экономической истории скачок» (Трейсман. С. 158). Отсюда разочарование результатами тридцати лет транзита, вылившееся, в частности, в смену политических предпочтений большинства населения, рост популистских настроений и достаточно устойчивую победу таких лидеров, как Орбан или Качиньские, о чём пишут и другие авторы книги.

⁵ Ср. выделение четырёх России, данное в начале 2010-х гг. Н.В. Зубаревич. Это Россия городов-миллионников; Россия городов с населением от 20–50 до 250–500 тыс. человек; Россия сельских поселений и посёлков городского типа; Россия слабо развитых национальных республик [Зубаревич, 2012].

А. Рябов (ИМЭМО РАН, Москва) в центр своего исследования поставил особенности развития трансформационных процессов на постсоветском пространстве⁶. Как и Трейсман, Рябов отмечает фактор «надежды на чудо» и у масс, и у лидеров реформирования, сменившейся разочарованием, ростом патерналистских настроений, запросом на лидеров, способных «позаботиться о простых людях», прежде всего на «крепких хозяйственников» (Рябов. С. 174). Это стало основой поворота массовых настроений в бывших союзных республиках в сторону государственного патернализма и жёсткого регулирования экономики. Аналогичные процессы стали позже проявляться и в ряде стран ЦВЕ. Хотя Рябов полагает, что пока трудно сказать, идёт ли в данном случае речь о «неожиданно проявившемся феноменологическом сходстве некоторых тенденций внутриполитического развития в регионах с различными типами трансформации» (Рябов. С. 184). Нужен дальнейший анализ развития авторитарных тенденций в каждой из стран, учитывающий и фактор устойчивости подобного рода режимов. В целом же Рябов подчёркивает явные тенденции к развитию патронажно-клиентских отношений не только на постсоветском пространстве, но и в некоторых странах ЦВЕ. Хотя там «их влияние на политику и устойчивость всё же ограничивается как институтом свободных выборов, так и внешним давлением со стороны Европейского союза» (Рябов. С. 187).

С точки зрения Рябова, фундаментальным фактором, обуславливающим склонность к авторитаризму и его устойчивость, является институт власти-собственности, особо проявляющийся на постсоветском пространстве. Однако, если по отношению к российской специфике он изучается давно, то в том, что касается других постсоветских стран, исследований практически нет (Рябов. С. 188). Но как раз соединение власти и собственности — основа сужения пространства для конкуренции и в политике, и в экономике. Оно создает предпосылки для формирования рентной модели капитализма.

Эволюция в трактовках постсоциалистического транзита

Монография интересна и тем, что в ней прослеживаются не только события тридцатилетия, оцениваются особенности и общие тенденции разных их этапов. Не меньший интерес представляет эволюция исследовательских тенденций, сопровождавших эти события, отражавших их. Причём для отечественного читателя представляет особый интерес включение в такой сопоставительный анализ работ зарубежных учёных, рассматривавших процессы в странах ЦВЕ и на постсоветском пространстве, а также предложение новых концепций, объясняющих специфику развития этих процессов за 30 лет.

А. Мельвиль строит свою главу как анализ пяти несбывшихся политических и теоретических ожиданий, зародившихся в начале постсоциалистической трансформации, выделяя для них отдельные разделы. *Первый* из этих разделов он назвал «Демократия без предпосылок», отмечая двойственность желаний общества в этот период — одновременно и стабильности, и перемен. При этом в ортодоксальных теориях того времени развиваются идеи, что демократии возникают и приживаются и там, где с точки зрения теории для них нет объективных предпосылок. Но в то же время в научный оборот входят концепции, согласно которым благоприятные «структурные» условия не гарантируют демократизации общества и не препятствуют авторитарному откату. Особо выделяется ситуация развития

⁶ Сама структура СССР как объединения национальных республик выдвигает в центр анализа этнические проблемы. Это очень сложная и тонкая тема, требующая особого рассмотрения. Поэтому я вынуждена оставить её за рамками данной статьи, хотя темы национализма широко представлены в книге не только как дополнительные сюжеты в разных главах, но и как специальный предмет анализа у Г.Хейла (Университет Джорджа Вашингтона, Вашингтон) и Н. Митрохина (Центр восточноевропейских исследований, Берлин).

процессов в условиях «слабого государства» и политической неустойчивости. Эта теоретическая проблема, которую можно охарактеризовать как конструирование «демократии без предпосылок», и сегодня остаётся нерешённой (Мельвиль. С. 68–72).

Вторым разочарованием исследователей стало поколебленное представление, господствовавшее ранее, что в современных обществах экономическое и социальное, связанное с формированием среднего класса, естественно приводит «к политической демократии и её институтам, отражающим рост требований участия и представительства» (Мельвиль. С. 72). Оказалось, что развитие, опирающееся на перераспределение рентных доходов, создаёт и специфические слои «среднего класса», не иницилирующего массовый демократический запрос, а вполне удовлетворяющееся вписыванием в цепочки государственного перераспределения. Прежде всего это проявилось в ходе развития постсоветских государств, особенно России. При этом наступило разочарование и в возможностях авторитарной модернизации, и в «системном либерализме» в условиях электорального авторитаризма. Мельвиль делает вывод, что сложившаяся ситуация ставит сегодня перед всем российским либерализмом (и «системным», и «несистемным») пока не решённую дилемму, требующую «концептуальной и программной “перезагрузки”». Важным направлением исследований... мог бы... стать обстоятельный сравнительный анализ ограничителей посткоммунистического развития и современных реально существующих моделей авторитарного капитализма» (Мельвиль. С. 75–76).

В качестве *третьей* несбывшейся надежды Мельвиль называет надежду на имплантацию в ткань постсоциалистических стран «правильных» институтов из развитых стран. Эта тема достаточно широко представлена в современной литературе — и экономической, и политологической. Отмечу лишь замечание Мельвиля о том, что такая практика даже при её успешности не смогла «воспрепятствовать поднявшимся в последние годы волнам популизма, ксенофобии и “ползучего” авторитаризма. Фактически мы сталкиваемся сегодня с реабилитацией недемократических форм правления» (Мельвиль. С. 77).

Четвертой политической и теоретической дилеммой, так и остающейся нерешённой, Мельвиль называет дилемму соответствия демократических и рыночных преобразований: проводить их в той или иной последовательности или одновременно. Анализ разнообразных результатов постсоциалистического развития, подчеркивает Мельвиль, показывает особую важность в этом процессе государственной состоятельности, качества государственного управления, взаимоотношения государства с разными структурами гражданского общества. То есть общим трендом становится «возвращение государства» как аналитического фокуса» (Мельвиль. С. 82). Эмпирический анализ процессов в странах и ЦВЕ, и СНГ показывает: «...государственная состоятельность и общее качество институтов напрямую связаны со степенью демократичности политического режима» (Мельвиль. С.84). При этом возникает ряд концептуальных вопросов: «в чём польза “плохих институтов” для автократа, можно ли выйти из ловушки “bad governance” при сохранении недемократического правления, как низкое управленческое качество, в том числе коррупция и “приватизация” государства элитными группами, влияет на выживание и стабильность авторитаризма?» (Мельвиль. С. 84–85). При этом исследования показывают, что «высокие уровни государственной состоятельности — отнюдь не обязательное условие устойчивости авторитарного режима». Его стабильность зависит от иных факторов — распределения ренты, выполнения базовых социальных обязательств, кооптации потенциальной оппозиции, мобилизации общественной поддержки и т.д. (Мельвиль. С. 85).

Наконец, *пятой* несбывшейся надеждой начала преобразований Мельвиль называет надежду на крушение авторитаризма и переход к демократии. Опыт трёх десятилетий показал многообразие вариантов постсоциалистического транзита, что дало материал для новых исследований и дальнейшего развития типологии политических режимов. Хотя, отмечает Мельвиль, здесь кроется и исследовательская опасность для учёного — «стать

заложенником “прилагательных”, то есть умножать эпитеты, а не уточнять концепты» (Мельвиль. С. 87). Он выделяет ряд требующих серьёзного теоретического обоснования и эмпирической проверки концептов. Тут и всё более распространенные в литературе последнего десятилетия концепты и «электорального авторитаризма», и «конкурентного авторитаризма», и «неопатримониализма», и др. Особого внимания, с его точки зрения, требуют так называемые гибридные режимы. Если С. Хантингтон писал о таких режимах, как о неустойчивых, то опыт последних десятилетий говорит об их устойчивости и воспроизводимости (Мельвиль. С. 88).

Кроме того, возникла важная и относительно новая тема — «стабилизация и легитимация современного авторитаризма, в том числе в его “гибридных” формах» (Мельвиль. С. 89). Новизну Мельвиль видит тут, во-первых, в отношении к стабильности как к статике, к не-развитию, во-вторых, в отсутствии у автократа мотивов для реформ, угрожающих успешному извлечению ренты, в-третьих, достижению стабилизации за счёт ослабления формальных институтов, в-четвертых, в сочетании традиционных и новых приёмов легитимации вплоть до идеологической мобилизации «информационного авторитаризма» (Мельвиль. С. 89).

В целом же, завершая свой анализ, Мельвиль при всех постигших исследователей разочарованиях не находит те, ранние, идеи дискредитированными. Просто они переживают очередной кризис как естественную фазу развития в новых условиях глобального мира, принесших свои проблемы, новые тренды, а также рост общего состояния неопределённости, охватившего не только постсоциалистический, но и весь мир. С одной стороны, новые реалии порождают и рост регулирующей роли государства, разочарования в возможностях свободного рынка, необходимость новых подходов к демократическим процедурам в условиях ширящихся популистских тенденций. С другой стороны, мы не можем не видеть и примеров укрепления самоорганизации и самоограничения ради индивидуального и коллективного блага, понимания важности реформирования сложившегося status quo и преодоления порождённых им угроз для всеобщего выживания.

Свой анализ динамики постсоциалистических режимов и их интерпретаций предложил В. Гельман (Европейский университет, Санкт-Петербург. Университет Хельсинки, Хельсинки). Автор не согласен с доминирующим исследовательским подходом, акцентирующим внимание на причинах неудач постсоциалистических трансформаций, считая его контрпродуктивным: «Он подменяет ответ на вопрос о том, почему у России (и не только) не получилось встать на путь демократизации, либо утверждениями о том, что у этих стран ничего хорошего получиться в принципе не могло, либо инвективами в адрес Путина и многих других политиков» (Гельман. С. 116). В качестве альтернативы такому подходу Гельман предлагает концентрироваться «на анализе интересов и стимулов основных политических игроков и тех ограничений, с которыми они сталкиваются в политическом процессе» (Гельман. С. 117).

Большинство исследований о результатах постсоциалистических трансформаций Гельман характеризует как своего рода «фильм-нуар», но, с его точки зрения, «сложившийся пессимистический консенсус лишь отчасти отражает характер реально происходящих политических изменений», а также сместился «от “агентских” к “структурным” объяснениям этих изменений» (Гельман. С. 119). Такой подход не даёт ответа на многие вопросы, а потому предлагается в анализ траекторий постсоветских режимов добавить перспективу, ориентированную на акторов. Гельман представляет две модели трансформаций и анализирует «эффекты динамики структурных переменных, а также неожиданных последствий, к которым приводят намерения и решения политических акторов, которых не стоит, однако, считать всеисильными и полностью информированными стратегами» (Гельман. С. 122).

Свои модели Гельман обозначает как модель «повелителя мух» (по роману У. Голдинга) и модель «плюрализм по умолчанию». Действия в рамках первой модели естественны

для успешных политиков по концентрации своей власти при отсутствии эффективных ограничений. На всех развилках постсоветской истории России, когда перед политиками стоял выбор между демократизацией и сохранением власти, естественным был отказ от демократизации. Однако, если фрагментация элит не позволяет никому монополизировать власть, возможна реализация второй модели «плюрализма по умолчанию». Эта модель предполагает более сложные внутриэлитные взаимодействия, активизацию массовой поддержки, обращение за помощью к иностранным акторам и институтам. В таком случае утверждается электоральная демократия, но не как осознанный выбор элит и масс, а как следствие невозможности монополизации власти какой-то одной группировкой и удержания её всеми средствами, включая насилие. По сути, главной причиной различия между двумя моделями становятся способы разрешения конфликтов внутри элит. «Ключевой “агентской” переменной, предопределяющей такой результат, служила конфигурация элит в стране, в то время как массовые движения и “рычаги давления” международных демократических или антидемократических акторов в лучшем случае играли второстепенную роль» (Гельман. С. 127).

По Гельману, динамика всех постсоветских политических режимов вписывается в логику либо одной, либо другой из этих моделей. Из этого делаются выводы о сомнительности общепризнанного аргумента о ключевой роли уровня социально-экономического развития как необходимой предпосылки демократизации, а также о том, что «по многим параметрам постсоветские недемократические страны не были обречены (и по-прежнему не обречены) на установление персоналистских авторитарных режимов раз и навсегда» (Гельман. С. 129).

Смена акторов процесса может открыть возможность для перехода от одной модели к другой — к созданию новой «динамической модели» эволюции политических режимов в противовес современному «пессимистическому консенсусу». В такой анализ вовлекаются не только социально-экономические структурные факторы, но и факторы, связанные со спецификой важнейших акторов идущих процессов. И тогда эффекты разных «наследий прошлого», например насилия, «можно рассматривать не только в качестве причин расхождения траекторий эволюции политических режимов, но и как следствие политических шагов, предпринятых политическими игроками», причём и в сугубо тактических и даже в личных или корпоративных интересах (Гельман. С. 133).

Гельман призывает перейти с нормативной оптики на позитивистскую, воспринимать политиков просто как эгоистических конъюнктурщиков, в зависимости от обстоятельств, делающих выбор в пользу демократии или авторитаризма не по идейным соображениям, а в связи с конкретной калькуляцией в тот или иной период выгод и издержек от того или иного выбора. При этом, естественно, ими учитывается и «шлейф», оставленный предшествующей чередой выборов. На этом пути авторитарный лидер делает многие стратегические просчёты, но это всё же не даёт повода для его демонизации. И разумеется, для перехода к демократии, отказа от насилия. Само общество должно достичь определённого уровня зрелости, включая и уровень зрелости элит (вспомним «пороговые условия» для элит Д. Норта и его коллег [Норт, Уоллис, Вайнгайт, 2011. С. 76], а также тезис о важности «пороговых условий для общества» [Плискевич, 2013]). Важно, что анализ этого пути упирается не только в ограниченные прогностические возможности, но и в изменчивость условий в связи с действиями акторов этого процесса, образующих огромное количество неизвестных переменных. А эти переменные могут обрести решающее значение для понимания «траекторий» развития режимов. И огромную роль играет динамика массовой поддержки как лидера, так и потенциальных перемен. Причём уровень поддержки лидера может снизиться как раз тогда, когда появится возможность реального политического выбора: «Неизвестны и степень управляемости постсоветских государств, печально известных низким качеством государственного управления», как они «могут отреагиро-

вать на различные внешние шоки и повлияет ли эта реакция (а если да, то каким образом) на динамику политических режимов» (Гельман. С. 149–150). Осознание границ имеющегося уровня научного знания — «необходимый шаг к преодолению пессимистического консенсуса и началу поисков новых моделей динамики политических режимов» (Гельман. С. 150).

Разнообразие в развитии отдельных постсоциалистических стран и трактовки как успехов, так и провалов на этом пути подталкивают к разработке типологий траекторий такого развития. Б. Мадьяр и Б. Мадлович (Центральный Европейский университет, Вена) предприняли попытку синтеза в общей таксономической модели типов транзита с предсказанием возможных траекторий их последующих изменений. В основу публикуемой статьи положено резюме их исследования [Magyar, Madlovich, 2020]. Авторы полагают, что концентрация лишь на политических институтах ведёт к созданию упрощённой типологии. По их мнению, «в посткоммунистическом регионе разделения трёх сфер социальной деятельности — политической, экономической и общественной — нет вообще, или оно находится в зачаточном состоянии» (Мадьяр, Мадлович. С. 233). К тому же важна роль формальных и неформальных институтов. Если акторы в подавляющем большинстве придерживаются формальных норм и принимают основанные на них формальные институты, то такой режим устойчив. Если нет, то «акторы будут управлять формальными институтами в соответствии с неформальными нормами» (Там же. С. 234). Такой режим или будет слаб и подвержен деградации в сторону более приемлемой для него системы, или начнёт создавать особые механизмы, чтобы противостоять такой деградации.

Для того чтобы учесть разнообразие факторов, действующих в обществах эпохи транзита, Мадьяр и Мадлович полагают необходимым введение в анализ новой типологии, «которая одновременно отражает порядок сопряжения политических институтов и жёстких структур, а также порядок экономических и социальных отношений после смены режима» (Там же. С. 238). Они выделяют шесть основных «идеальных» типов режимов: 1) либеральную демократию западного образца (плюрализм власти и преобладание формальных институтов); 2) патрональную демократию (плюралистическая конкуренция патрон-клиентских сетей); 3) патрональную автократию (однопирамидальная патрональная сеть с подавлением плюрализма и тенденцией к неограниченной власти главного патрона в политической и экономической сферах); 4) консервативную автократию (патрональность охватывает политическую, но не экономическую сферу); 5) коммунистическую диктатуру (слияние экономики и политики происходит посредством классической бюрократической патрональной сети); 6) диктатура с использованием рынка (однопартийная система сосуществует в разных формах с рыночной экономикой).

Эти шесть типов режимов авторы размещают в предложенном ими треугольнике. Его вершины символизируют либеральную демократию, коммунистическую диктатуру и патрональную автократию. Стороны обозначают: между либеральной демократией и патрональной автократией — патрональную демократию; между либеральной демократией и коммунистической диктатурой — консервативную автократию; между патрональной автократией и коммунистической диктатурой — диктатуру с использованием рынка.

Внутри этого треугольного пространства авторы помещают разные страны в зависимости от их тяготения к тому или иному типу режима. Например, Китай расположен близко к стороне треугольника, обозначающей диктатуру с использованием рынка. Ближе всего к вершине, символизирующей патрональную автократию, размещена Россия. Чуть дальше — Венгрия и Казахстан. Ближе всех к вершине, символизирующей либеральную демократию, помещена Эстония. Польша ближе всех к стороне, названной консервативной автократией. Значительное число стран расположилось в той или иной степени близости от стороны треугольника, обозначенной как патрональная демократия, но в разной степени удалённости от тех вершин, которые названы как либеральная демократия и патрональная автократия.

Кроме того, внутри созданной треугольной конструкции авторы выделяют зоны разной степени патрональности. Ближе к полюсам либеральной демократии и консервативной автократии расположена непатрональная зона. Бюрократическая патрональная тяготеет к диктатурам двух типов, а неформальная патрональная расположена в зоне тяготения патронального авторитаризма и патрональной демократии. Наконец, формальные и неформальные институты располагаются следующим образом. Формальные образуют зону между вершинами либеральной демократии и коммунистической диктатуры вдоль стороны консервативной автократии. Полуформальные институты расположились в центре конструкции между сторонами патрональной демократии и диктатурой с использованием рынка. Наконец, неформальные институты тяготеют к вершине треугольника, связанной с патрональной автократией. Подобным же образом авторы выделяют в своём треугольнике зоны, соответствующие тем или иным функциям правящей партии, а также доминирующим системам экономического механизма, степени коррупционности режима и роли в нем идеологии.

Концепция Мадьяра и Мадловича, с их точки зрения, диктует требование при помещении страны в их треугольное пространство такого определения её места, при котором оно было бы одинаковым во всех треугольниках с выделенными там разными зонами. В этом они видят качественное отличие своей работы от разных одномерных сопоставлений, например опирающихся на исторические аналогии. С их точки зрения, «из треугольной схемы выводится строгий критерий когерентности, охватывающий не только определяющую характеристику режима, но и все сферы социальной деятельности, а также уровень их разделения» (Там же. С. 253). Использование треугольной схемы позволяет также при наложении на нее данных о преобразованиях, совершённых в разное время, начиная со времени установления коммунистического режима и до наших дней, графически проследить путь трансформации той или иной страны со всеми его зигзагами.

В то же время сами авторы видят и ограниченную реалистичность предложенной ими модели. Здесь встает вопрос о том, насколько действительность соответствует выделенным ими идеальным типам. Ведь эти типы — именно сконструированные черты режимов, их институционализированных наборов основополагающих правил, структурированных взаимодействий внутри политической власти, её взаимоотношений с обществом в целом, и т.д. Но у каждой страны есть свои особенности (географические, природные, этнические, культурные и т.п.). Естественно, что, хотя между особенностями страны и режима есть взаимосвязь, они и различны. А потому треугольная схема не может «объять необъятное». Однако и усложнение её с помощью ввода дополнительных параметров «лишило бы её эвристической ценности, да и не позволило бы представить измерения в виде когерентной матрицы» (Там же. С. 265). А именно в этом авторы видят её полезность как средства демонстрации того или иного режима в фиксируемой сложности его политической, экономической, общественной сфер деятельности.

Человек в эпоху постсоциалистической трансформации

Важный раздел книги отведен анализу того, что происходит с человеком, оказавшимся в центре событий постсоциалистической трансформации. Здесь центральным аспектом обсуждения стало то, насколько *homo soveticus* отличается от *homo post-soveticus*, насколько глубоко изменились его ценностные предпочтения за прошедшие 30 лет. Естественно, представленная в данном разделе глава, написанная Л. Гудковым (Левада-Центр, Москва), отражает идеи Ю.А. Левады и его последователей (см., например: [Левада, 2000; Левада, 2006; Гудков, 2004; Гудков, 2012]) об устойчивости типа *homo soveticus*. Сама концепция Ю.А. Левады и работы, развивающие тему специфики человека, оказавшегося после привычных советских реалий в неизведанном, полном непривычных трудностей

и неопределенностей постсоциалистическом мире, достаточно известна. Авторы данного раздела и уточняют некоторые её детали, касающиеся прежде всего эволюции человеческого потенциала в постсоветский период, и достигнутых к настоящему времени результатов этой эволюции.

С. Грин (Русский институт, Королевский колледж, Лондон), опираясь на работы отечественных и зарубежных авторов, прослеживает путь *homo soveticus* к *homo post-soveticus*, на котором ориентиром ему служило «народное знание», покоящееся и на предшествующем опыте, и на разочаровании в возможности быстрого перехода к «жизни как на Западе», и пропагандистском воздействии СМИ. Этот путь породил массовое недоверие к подавляющему большинству общественных институтов. В то же время это был путь адаптации к новым условиям, но адаптации пассивной, при которой ощущающий свою «беспризорность» и одиночество человек хочет «прислониться» к тому, кто обеспечил бы ему пусть не комфортное, но сносное существование. И в такой ситуации авторитарная власть «строится “совместными усилиями” правителя и народа» (Грин. С. 299). Поэтому вместо широко распространённого мнения о том, что транзит — это нечто, обрушившееся на россиян как устроенный элитами пересмотр политических, экономических, и социальных правил, Грин предлагает другой подход. Российский транзит — это некий результат того, что сделано ими самими. Не отрицая вовсе первого подхода, второй подход «тем не менее возвращает россиянам по крайней мере некоторую субъектность в создании того “народного знания”, с помощью которого они объясняют мир вокруг себя» (Грин. С. 319). Призывая к возвращению субъектности, Грин в то же время не минимизирует авторитарности российской политики: «Пример России... показывает, что авторитаризм можно рассматривать как нечто более всеобъемлющее, более целостное. Суть российской автократии не в том, что Путин считает поддержку народа полезной для себя,... сила Путина заключается в том, что простые россияне считают полезным для себя его поддерживать по причинам, не имеющим никакого отношения к самому Путину и связанным исключительно с их собственной жизнью» (Грин. С. 323–324). С этим перекликается и тезис Гудкова: «...как власть пыталась манипулировать населением, так и население, в свою очередь, “управляет” властью, пользуясь её ресурсами, покупая её чиновников для своих нужд» (Гудков. С. 289). А значит, по Грину, для граждан современной России «сотрудничество с государством и приверженность ему превратились из реального факта глобального значения в символический факт морального значения» (Грин. С. 324).

В эволюции от *homo soveticus* к *homo post-soveticus* важную роль играет поколенческий сдвиг, произошедший в обществе за 30 лет. С этих позиций приверженность левадovской концепции подвергал критике ещё в 2018 г. В. Радаев. Он утверждал, что современная молодёжь живёт в другом, цифровом, мире, у нее формируются иные ценности [Радаев, 2018]. Теме поколенческого сдвига посвятил свою главу и Е. Гонтмахер (Экспертная группа «Европейский диалог», Москва). Он сделал акцент на проблеме смены поколений в элитах: «...сейчас нас со всей неизбежностью ожидает не только смена поколений в чисто демографическом смысле, но и, очевидно, приход к власти людей с иным жизненным опытом, не замутнённым коммунистическим/советским прошлым» (Гонтмахер. С. 359). Но возникает вопрос: в какой степени эти новые люди могут дать толчок новому развитию? Ведь и имеющийся у них постсоветский опыт построен во многом на уроках жизни, данных им предшественниками. По сути, это опыт не развития, а перераспределения в рамках рентo-ориентированной экономики.

Поэтому всё же остаются актуальными идеи о специфике *homo soveticus*. Приводимые аргументы о глубине ценностных изменений в связи со сменой поколений всё же, согласно исследованиям Левада-Центра⁷, не находят подтверждения. И видимые изменения в стиле

⁷ Министерство юстиции РФ внесло Левада-Центр в список иностранных агентов.

жизни, и недовольство окружением, доходящее до желания покинуть страну, пока не могут служить индикатором ценностного перерождения масс молодых людей. Л. Гудков вновь напоминает вывод Ю. Левады, что главное в сложившейся ситуации «не в изменении ценностных ориентаций у молодого поколения (а они, безусловно, возникли в новых условиях); дело в том, что с ними делают социальные институты» (Гудков. С. 296). Выяснилось, что установки на изменения у более молодых и образованных горожан, фиксируемые и в первой половине 1990-х годов, «были характеристикой *не процесса, а определённой фазы самореализации*» (Там же. С. 297).

Система современной России формировалась не столько на стремлении к регенерации старых тоталитарных институтов, сколько на отсутствии сопротивления этому процессу со стороны общества, массовом отказе от ответственности за его судьбу. Немалую роль сыграли и упоминавшиеся уже нарастание недоверия, и процессы атомизации общества. Черты *homo post-soveticus*, включая и значительную долю молодёжи, в той или иной степени интенсивности присутствуют более чем у половины населения России. За последние 30 лет *homo post-soveticus* «адаптировался к рыночной экономике... Он не противник демократии (но и не будет чем-то жертвовать ради её утверждения в России), ему не нравится коррумпированный авторитаризм, но он не будет выступать против него, поскольку это не касается его лично» (Там же. С. 297).

В то же время ценностная картина *homo post-soveticus* за последние 10–15 лет существенно изменилась. Об этом пишут В. Магун и М. Руднев (НИУ ВШЭ, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва), опираясь на данные Европейского социального исследования (ESS). В своём анализе этих данных они в итоге выделили в европейских странах пять групп населения в соответствии с их ценностными типами. Расположив их на ценностной шкале Ш. Шварца (его методика лежит в основе ESS), они выделили некую ценностную диагональ из четырёх групп приверженцев ценностей от социальной ориентации до индивидуалистических. В рамки этой диагонали вписывается до 80% населения Европы, включая и постсоциалистические страны.

При этом каждая страна имеет своё сочетание этих четырёх ценностных групп — соответственно, конкурирование социального и индивидуалистического начал. Однако обращает на себя особое внимание пятая группа, выделенная по принципу господства в ней сочетания шварцевских принципов Открытости изменениям и Заботы о людях и природе. То есть можно сказать, что именно для этой группы оказалось органичным сочетание созидательно-индивидуалистического и социального начал. Причём, согласно исследованию ESS, представители именно этой группы господствуют среди населения наиболее развитых европейских стран. Постсоциалистическим же странам присуще не объединение этих двух начал, а скорее, их конкуренция, столкновение, что, возможно, сказывается и на успехах в экономическом развитии.

Важная черта, отмеченная Магуном и Рудневым, состоит в подвижности пропорций между социальными и индивидуалистическими ценностными компонентами. Стоит, в частности, обратить внимание на ценностную эволюцию населения России, фиксируемую в исследованиях 2006–2018 гг. (они проводились каждые два года). Если в первые годы вхождения России в ESS социально ориентированный кластер охватывал практически половину населения страны (соотношение носителей социально ориентированных и индивидуалистических ценностей составляло 49 к 46%), то в 2010-х гг. ситуация меняется на противоположную. В 2018 г. уже индивидуалистические ценности явно преобладают (54 против 38% социально ориентированных) (Магун, Руднев, С. 348). Основываясь на этих данных, отражающих и поколенческие сдвиги, авторы отмечают просчёт продвигаемых властями пропагандистских идеологем, строящихся на приписывании россиянам «особой склонности к бескорыстному альтруизму, коллективизму, “соборности”» (Там же. С. 353).

Таким образом, данные ESS показывают, что 2010-е гг. стали годами существенных изменений в ценностных ориентациях россиян. Однако выделенная тенденция существенного усиления индивидуалистических ценностей в ущерб социальным, на мой взгляд, вызывает скорее тревогу. Ведь индивидуализм также бывает разным. Неслучайно представителей пятой выделенной ценностной группы, сочетающей созидательно-индивидуалистические с социальными компонентами, в стране крайне мало — всего 8% (хотя в последние годы это число увеличилось). Господствующий же в России тип индивидуализма связан прежде всего с атомизацией общества и крайне низким уровнем доверия в нем. Во многом это развитие выявленного ещё в 1990-е гг. Г.Г. Дилигенским агрессивно адаптационного индивидуализма. Поэтому представляется, что анализ данных ESS не противоречит и концепции homo post-soveticus, а в какой-то мере и подкрепляет её со своей стороны.

* * *

Объём статьи не позволяет охватить во всей полноте богатство материала, идей, концепций, представленных в книге. В целом же важно, что её авторы дают представление как о тридцатилетней эволюции хода постсоциалистической трансформации, так и о процессах изменения в исследовательских подходах, связанных с разными этапами этой эволюции. Но особенно важно то, что все авторы рассматривают прошедшее тридцатилетие лишь как этап длительного трансформационного процесса. Именно с этих позиций они анализируют успехи и провалы разных стран на пути преобразований, выявляют механизмы, блокирующие развитие в разных его сценариях, даже трагических. Поэтому книга представляется ценной не только как анализ прошлого, но и вкладом в будущее, предоставляет материал для прочерчивания новой «дорожной карты», дающей шанс не совершать ошибок, сделанных в прошлом, и укреплять достигнутые ранее успехи.

ЛИТЕРАТУРА

- Гудков Л.Д. (2012). Абортивная модернизация. — М.: РОССПЭН.
- Гудков Л.Д. (2004). Негативная идентичность. — М.: Новое литературное обозрение.
- Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя. (2021). — М.: Новое литературное обозрение.
- Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. (2016). Стратегия экономического развития России. Теоретический аспект. — М.: URSS.
- Зубаревич Н.В. (2012). Социальная дифференциация регионов и городов // Pro et contra. № 4–5. С. 135–152.
- Левада Ю.А. (2006). Ищем человека. — М.: Новое издательство.
- Левада Ю.А. (2000). От мнений к пониманию. — М.: МШПИ.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Плискевич Н.М. (2013). Возможности трансформации в России и концепция Норта — Уоллиса — Вайнгаста. Статья 2. Пороговые условия перехода для общества // Общественные науки и современность. № 6. С. 45–60.
- Радаев В.В. (2018). Прощай советский простой человек // Общественные науки и современность. № 3. С. 51–65.
- Шкаратан О.И., Ильин В.И. (2006). Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ. — М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Hellman J. (1998). Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition // World Politics. Vol. 50. No. 2. Pp.203–234.
- Magyar B., Madlovich B. (2020). The Anatomy of Post-Communist regimes. — Budapest, Hungary; New York, NY: CEU Press.

Плискевич Наталья Михайловна

znplis@yandex.ru

Natalya Pliskevich

Senior Researcher, Institute of economics of the Russian Academy of sciences (Moscow)

znplis@yandex.ru

**THE MAN, THE SOCIETY AND THE STATE IN YEARS OF POST-SOCIALIST TRANSFORMATION
(ABOUT THE BOOK «DISMANTLING COMMUNISM. THIRTY YEARS LATER»)**

Abstract. The article is devoted to the analysis content of the collective monograph of the international Expert Group “European Dialogue” presented the results of the implementation of the project “Thirty Years of Post-Soviet Europe”. Attention is focused on three main themes of this project. Firstly, this is the stages of post-socialist transformation and its comprehension. Secondly, this is the evolution of interpretations of post-socialist transit and its new versions. Thirdly, is man in the era of post-socialist transformation. It is shown that the post-socialist transition is not over, and all countries still have a long way to go. But the trajectory of this path is different for everyone.

Keywords: *post-socialist transformation, stages of post-socialist transformation, totalitarianism, authoritarianism, liberalism, evolution of research approaches, human potential, human capital, Soviet people, post-Soviet people, evolution of value preferences.*

JEL: A10, A12, A13, B15.

REFERENCES

- Demontazh kommunizma. Tridtsat' let spustya.* (2021). [The dismantling of communism. Thirty years later]. — M.: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Evstigneyeva L.P., Evstigneyev R.N.* (2016). *Strategiya ekonomicheskogo razvitiya Rossii. Teoreticheskiy aspekt* [Russia's Economic Development Strategy. Theoretical aspect]. — M.: URSS.
- Gudkov L.D.* (2012). *Abortivnaya modernizatsiya* [Abortive modernization]. — M.: ROSSPEN.
- Gudkov L.D.* (2004). *Negativnaya identichnost'* [Negative Identity]. — M.: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Hellman J.* (1998) *Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition* // *World Politics*. Vol. 50. No. 2. Pp. 203–234.
- Levada Yu.A.* (2006). *Ishchem cheloveka* [We are looking for a person]. — M.: Novoye izdatel'stvo.
- Levada Yu.A.* (2000). *Ot mneniy k ponimaniyu* [From opinions to understanding]. — M.: MSHPI.
- Magyar B., Madlovich B.* (2020). *The Anatomy of Post-Communist regimes.* — Budapest, Hungary; New York, NY: CEU Press.
- North D., Wallis D., Weingast B.* (2011). *Nasiliye i sotsial'nyye poryadki. Kontseptual'nyye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpretation Recorded Human History]. — M.: Izdatel'stvo Instituta Gaydara.
- Pliskevich N.M.* (2013). *Vozможности transformatsii v Rossii i kontseptsiya Norta — Uollisa — Vayngasta. Stat'ya 2. Porogovyye usloviya perekhoda dlya obshchestva* [Possibilities of transformation in Russia and the North-Wallis-Weingast concept. Article 2. Threshold conditions of transition for society] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 6. Pp. 45–60.
- Radayev V.V.* (2018). *Proshchay sovetskiy prostoy chelovek* [Farewell to the Soviet simple man] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 3. Pp. 51–65.
- Shkaratan O.I., Il'in V.I.* (2006). *Sotsial'naya stratifikatsiya Rossii i Vostochnoy Yevropy: sravnitel'nyy analiz* [Social stratification of Russia and Eastern Europe: a comparative analysis]. — M.: Izdatel'skiy dom GU VSHE.
- Zubarevich N.V.* (2012). *Sotsial'naya differentsiatsiya regionov i gorodov* [Social differentiation of regions and cities] // *Pro et contra*. No. 4–5. Pp. 135–152.